

Т.И. УЛЬЯНКИНА (Москва)

РОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ (1917-1940-е гг.)

Великобритания была одной из первых европейских стран, предоставивших убежище сотням эмигрантов — ученым, врачам, инженерам, деятелям культуры и искусства, покинувшим Россию после октябрьского переворота 1917 г. и Гражданской войны.

В обширном списке российских деятелей науки и образования такие видные ученые, как математик А.С. Безикович, физиологи Г.В. Анреп и Б.П. Бабкин, гистолог Н.К. Кульчицкий, патологический физиолог В.Г. Коренчевский, энтомолог Б.П. Уваров, биолог Л.В. Черносвитов, геолог С.И. Томкеев, ихтиолог В.В. Чернавин, химик В.А. Петров, физикохимики Д.Д. Гарднер и Г.Н. Антонов, биохимик Л.Л. Пастернак-Слейтер, хирург и иконописец М.В. Зернова, ученый и инженер-тепловозостроитель Ю.В. Ломоносов, металлург Н.Т. Беляев, инженер В.И. Исаев, экономист и историк литературы С.А. Коновалов, историки: П.Г. Виноградов, М.И. Ростовцев, Г.П. Струве, С.О. Якобсон, Б.В. Геруа, Г. Катков, византолог Д.Д. Оболенский, философы и богословы: Н.М. Зернов и Н.Д. Городецкая, экономисты: Ю.А. Павловский, С.П. Тюрин, А.М. Байков, лингвист Б.Г. Унбегаун, педагог Н.А. Ганс, филолог Е.Н. Кутайсова, адвокаты М. Вольф, А. Гальперин, С. Добрин, Б. Элькин и др.

Для представления общего уровня культурной жизни русской колонии в Великобритании следует назвать также некоторых представителей художественной интеллигенции и культуры.

Автор выражает глубокую благодарность проф. Ричарду Дэвису — директору Русского архива в Лидсе (Великобритания) за содействие в проведении исследования. Работа осуществлялась при поддержке РГНФ (проект № 96-03-0403).

Это — писательница и журналистка А.В. Тыркова-Вильямс, литературный критик Н.М. Бахтин, философ и переводчица Н.А. Даддингтон, писатели В.В. Набоков, Е.И. Замятин, поэт и литературовед Д.П. Святополк-Мирский, журналист И.В. Шкловский (Дионео), художники Л.О. Пастернак и Б.В. Анреп, балерина Анна Павлова, актер и режиссер М.А. Чехов, режиссер Ф.Ф. Комиссаржевский, актриса Л.Б. Яворская, юрист и переводчик С.С. Котлянский, поэт, литератор, переводчик Ж.Л. Пастернак и др.

В Великобритании нашли убежище русские аристократические и старые элитные семейные кланы, такие, как Гагарины, Голицыны, Толстые, Набоковы, Родзянко, Оболенские, Мещерские, Васильчиковы, Игнатъевы, Анрепы, Пастернаки, Зерновы и др.

Здесь оказались и многие видные политические деятели Временного правительства: А.Ф. Керенский, П.Н. Милуков, В.Д. Набоков, барон А.Ф. Мейендорф, министры А.Ф. Аладьин, М.И. Терещенко, П.Л. Барк, П.Н. Игнатъев, некоторые яркие представители партий кадетов и эсеров, военные, служившие в армиях А.И. Деникина и П.Н. Врангеля.

Однако, в отличие от хорошо известных центров российской эмиграции — Франции, Германии, Чехословакии, Югославии, жизнь русской научной интеллигенции в Англии в 1917-1940 гг. долгое время оставалась одной из самых малоизученных страниц истории русского зарубежья. Недавно в определенной мере была очерчена история литературной эмиграции и многих представителей гуманитарных наук¹.

Данная статья посвящена творческим судьбам ученых-эмигрантов, работавших в Англии в области естествознания, техники и медицины. В ней предпринята попытка не только отразить перипетии судеб и творчества наших соотечественников в условиях иной национальной и социокультурной среды, но и возродить тот уникальный исторический и духовный опыт, который они приобрели в годы изгнания, сохранив и продолжив богатейшие русские культурные и академические традиции. Известный прозаик и публицист Иван Сергеевич Шмелев, находясь в эмиграции, писал в 1935 г.: «Русская эмиграция — смело можно сказать — открыла Россию миру, подлинный лик ее, высокую ее культуру»². Кроме того, как заметил писатель, именно эмиграция помогла многим русским осознать свои национальные корни. С сожалением

нием и горечью отмечал Шмелев, что «в дореволюционной России не было системы познания России. Русские университеты не знали первой из всех наук — <...> — науки о России, науки познания России, обязательнейшей для русского. Только теперь, когда нет, увы, у нас близко родины, видится ясно нам эта священная наука. Ее мы должны создать. Вернее — должны собрать»³. Анализ уникального научного наследия российской эмиграции составляет лишь небольшой фрагмент в общей истории мировой науки, но он совершенно необходим для понимания динамики и преемственности развития всей нашей отечественной науки, многие представители которой, по тем или иным причинам, оказались за пределами России.

Данная тема актуальна и для сегодняшней России. Не секрет, что процесс «утечки умов» из российской науки, образования, наукоемких отраслей экономики давно вырос в государственную проблему и в настоящее время принял угрожающие масштабы. По-видимому, в современных условиях эмиграция творческой интеллигенции будет неизбежной, пока не улучшится экономическая ситуация в стране. Однако и сегодня остается актуальной идеология сохранения за рубежом своих национальных научных и культурных традиций, которая отличала послеоктябрьскую эмиграцию.

Этот соответствующий внутренний мир формируется здесь, в России. И здравый смысл подсказывает, что вместо финансирования программы по «утечке умов» лучше было бы ввести в средней и высшей школе специальный курс «науки о России», обязательный для всех наших граждан. И тех, кто уезжает, и тех, кто остается.

Русская колония в Англии существовала еще с конца XIX в. Так, по данным на 1871 г., в промышленных городах страны — Лондоне, Лидсе и Манчестере — насчитывалось около 9600 русских и поляков. Что касается российской интеллигенции, то жизнь в Лондоне таких известных эмигрантов, как А. Герцен, М. Бакунин, князь П. Кропоткин, М. Степняк-Кравчинский, Д. Файнберг, а позже Ф. Ротштейн, М. Литвинов, Ю. Чичерин, носила ярко выраженную политическую активность. Эмиграция рассматривалась ими как временное состояние, и большинство их при изменении политической ситуации сразу же вернулось в Россию.

В 1919-1922 гг. противников монархии сменила в Лондоне «белая» эмиграция, эвакуировавшаяся из России (Архангельска, Мурманска, Новороссийска, Одессы). Ее большинство составляли «англофильски» настроенные кадеты, ближайшее окружение царской семьи, представители аристократии, буржуазии, научная интеллигенция, деятели культуры и искусства.

С появлением послеоктябрьской волны эмигрантов русская колония в Великобритании стала оформляться в достаточно крупный центр с численностью свыше 15 000 человек. Международные и частные организации (Американский Красный Крест, Центральный информационный офис графини Бобринской в Константинополе и др.) зафиксировали особенно большой приток русских после падения антибольшевистского правительства Северной России в 1920 г.: тогда на английских судах из Архангельска было доставлено около 12 000 человек⁴.

Константин Дмитриевич Набоков (1874-1927) — русский посол в Англии, сменивший перед революцией на этом посту графа Бенкендорфа, писал о том времени: «После заключения перемирия Британское правительство отменило некоторые ограничения, коими до этого было обставлено прибытие в Великобританию русских граждан. Вместе с тем пути следования из России в Великобританию через Архангельск, Владивосток и порты Черного моря стали более доступны. Много россиян стало приезжать в Лондон. Наши соотечественники прибывали и из Скандинавских государств, и из Финляндии. Среди русских были политические и общественные деятели. Посольство делало все возможное для установления общения между образовавшимися в Лондоне политическими группами»⁵.

В общей сложности в послеоктябрьской эмиграции оказалась одна шестая часть всех ученых и преподавателей высшей школы России (в 1914 г. их насчитывалось всего 11,6 тысячи человек, включая как практикующих врачей, так и профессоров консерваторий и духовных академий). С началом эмиграции во многих странах русского рассеяния возникали общественные объединения ученых, получившие название «Русские академические группы». Первые группы появились уже в 1919 г., почти одновременно в Париже и Белграде, в 1920 г. оформилась Русская академическая группа Великобритании⁶, а в 1928 г. насчи-

тывалось уже 14 групп, причем в некоторых из них число членов доходило до ста⁷.

В 1921 г. на первом же своем съезде, проходившем в Праге, группы были объединены в союз с центральным органом правления во главе с проф. А.С. Ломшаковым⁸. Перед руководством Академических групп были поставлены следующие задачи: 1) учет российских ученых за рубежом и изучение их положения; 2) организация научных обществ в каждой из стран рассеяния; 3) выявление возможных вакантных мест, которые в данной стране могли бы занять российские ученые; 4) обеспечение ученых рекомендательными письмами для занятия вакансий; 5) сбор и распространение помощи между учеными и финансирование наиболее важных научных проектов; 6) помощь русской молодежи в получении высшего образования; 7) обеспечение учебных и научных заведений книгами и журналами.

Русская академическая группа в Великобритании (РАГ) сыграла большую консолидирующую и просветительскую роль в жизни русской колонии в 20-30-е гг. XX в. На ее учредительном собрании, проходившем 10 ноября 1920 г. в Лондоне на Chester street, 26, был утвержден Устав и выбран Президиум в составе профессоров В.Г. Коренчевского (председатель), П.Г. Виноградова (почетный председатель), В.И. Исаева (товарищ председателя), Ю.А. Павловского (секретарь), А.М. Ону (казначей), обсуждены цели и планы организации. Позже РАГ получила собственное помещение на Cromwell Road, 27.

Ученые РАГ получили право на проведение защиты диссертаций и присвоение степени магистра и доктора наук, что обеспечивало преемственную связь поколений, пополнение редющей научной среды молодыми силами, сохранение русских академических традиций. Русские ученые-эмигранты смогли привлечь к своим нуждам внимание научных кругов Великобритании и стран Европы. Об этом свидетельствует активность Международного комитета помощи русским в Лондоне, созданного 4 ноября 1920 г. по русской инициативе. В состав Комитета вошли: секретарь по иностранным делам Королевского общества Великобритании сэр А. Шустер (председатель Комитета), виконт О. Брюс, редактор «Nature» сэр Р. Грегори, президент Британской академии наук сэр Ф. Кэньон, президент Королевского общества Ве-

ликобритании Ч. Шеррингтон, профессор физиологии Лондонского университета Э. Старлинг, профессор юриспруденции Оксфордского университета сэр П. Виноградов, директор Листеровского института в Лондоне Ч. Мартен.

В задачу Комитета входило выявление вакантных мест в странах Западной Европы для русских ученых, оформление рекомендательных писем, помощь в сборе и распределении пожертвований, выделяемых на проведение научных исследований (в том числе и со стороны фонда Рокфеллера). Так, например, судя по данным РАГ, с конца 1920 до начала 1921 г. заявки поступили от 74 ученых (в том числе от 31 профессора).

Русская академическая группа в Великобритании имела высокий авторитет в Западной Европе и США. На IV съезде Союза академических организаций за рубежом, проходившем в 1928 г. в Белграде, профессор В.Г. Коренчевский, стоявший во главе Группы, был избран его председателем. От имени Союза он предложил участникам съезда проект «Делового объединения российской эмиграции», предполагавший соединение нескольких наиболее авторитетных эмигрантских организаций (Земгора, Красного Креста, Студенческого комитета, Союза инвалидов и Союза русских академических организаций) с целью защиты общенациональных, культурных и экономических интересов эмигрантов⁹. К сожалению, проект не был реализован, хотя и получил высокую оценку профессора социологии Питирима Александровича Сорокина (1889-1968), стоявшего тогда во главе Союза русских организаций в Америке.

Помимо Русской академической группы, в Англии существовали и другие общественные организации, объединявшие русскую интеллигенцию по ее профессиональным интересам. В 1920 г. было основано Русское экономическое общество в Лондоне, в члены правления которого вошли известные ученые-экономисты — П.А. Иванов, К.Е. Замен, Н.Т. Беляев, М.В. Брайкевич. В работе этой крупнейшей организации русской колонии принимали также участие граф П.Н. Игнатьев, профессора Д.Д. Гарднер, С.И. Гаврилов, К.Г. Шиндлер, Д.В. Яковлев, М.Г. Яцевич, А.М. Ону, А.С. Орлов, А.С. Остроградский, С.П. Тюрин и др. Общество издавало журнал «Russian economist», на страницах которого освещались события из жизни русской эмигра-

ции, публиковались обзоры о состоянии промышленности и сельского хозяйства в России и пр.

В начале 1920-х гг. был создан Союз русских инженеров и техников Великобритании, издававший с 1922 г. иллюстрированный журнал «Механический транспорт». В 1928 г. было организовано Русское медицинское общество Великобритании, объединившее многих врачей и ученых-медиков. В его руководстве — профессора Б.А. Перрот, П.А. Дмитриевский, А.И. Орлеанский и др.

Менталитет английского общества традиционно определялся его симпатиями к высокоинтеллектуальным сферам деятельности. Неудивительно, что русские ученые и специалисты, а также деятели искусства имели моральную, социальную и материальную поддержку со стороны британского правительства и некоторых филантропических обществ. Не следует также забывать, что из Первой мировой войны Великобритания вышла в качестве державы-победительницы. Вместе с Францией она заняла ключевые позиции в Лиге Наций, созданной в 1919 г. в соответствии с Версальским мирным договором. Лейбористское правительство во главе с Ллойд Джорджем считало борьбу с Советами главной целью своей внешней политики, и им был на руку антибольшевистский характер русской эмиграции.

В первые десятилетия XX в. английская наука занимала ведущую роль в целом ряде отраслей естествознания и техники, и прежде всего в ядерной физике, биохимии, физиологии, микробиологии, ботанике, геофизике и др. Великобритания — университетская страна, в которой в то время было свыше 40 университетов и около 50 колледжей. До Первой мировой войны в лабораториях ее ведущих университетов стажировались многие русские исследователи, и эти научные связи оказались особенно действенными после эмиграции. Профессиональная поддержка англичанами ученых-эмигрантов из России, например, наглядно проявилась в трудоустройстве в Англии трех учеников нобелевского лауреата, физиолога, академика И.П. Павлова — Глеба Васильевича Анрепа, Бориса Петровича Бабкина, Владимира Георгиевича Коренчевского, — а также гистолога Николая Константиновича Кульчицкого, энтомолога Бориса Петровича Уварова, математика Абрама Самойловича Безиковича, ученого и инже-

нера-конструктора в области железнодорожного транспорта Юрия Владимировича Ломоносова, краткие биографии которых приведены ниже.

Г.В. Анреп (1889-1955)

Физиолог Глеб Васильевич Анреп — сын барона В.К. фон Анрепа — профессора судебной медицины, первого ректора Женского медицинского института в Санкт-Петербурге, депутата Государственной думы. Еще в студенческие годы Г. Анреп заинтересовался лекциями И.П. Павлова и с 1912 г. стал специализироваться по физиологии в его лаборатории в Санкт-Петербургской Императорской военно-медицинской академии (ВМА). Летом того же года, по предложению И.П. Павлова, Г. Анреп был командирован в Англию, где он продемонстрировал членам Лондонского королевского общества, профессорам-физиологам Эрнсту Старлингу и Уильяму Бейлису (Лондонский университет) новый экспериментальный факт наличия наряду с гуморальным механизмом нервной регуляции секреции поджелудочной железы (в частности, действие блуждающего нерва). Будучи в Лондоне, Г. Анреп смог изучить методику получения секретина (гормона, вырабатываемого клетками тонкого кишечника), открытого Э. Старлингом и У. Бейлисом в 1902 г. Еще дважды по рекомендации И.П. Павлова молодой ученый выезжал в Англию (1913-1914).

В этот период между И.П. Павловым и его английскими коллегами шла дискуссия о роли и соотношении нервного и гуморального механизмов в регуляции активности поджелудочной железы. Павлов настаивал на примате нервных процессов, опираясь при этом на опыты Г.В. Анрепа, экспериментально продемонстрировавшего и в Лондоне центральную регуляцию панкреатической железы. Это была плодотворная встреча как для русской, так и для английской физиологии. Об этом свидетельствовало и появление в 1915 г. в известном руководстве У. Бейлиса по общей физиологии специального очерка об исследованиях школы И.П. Павлова и его учеников, что в немалой степени способствовало популяризации работ И.П. Павлова за рубежом¹⁰. В 1913 г. Анреп был принят в члены Британского фи-

зиологического общества (одного из старейших в Великобритании, основанного в 1862 г.), что давало возможность публиковать статьи в английском «Journal of Physiology»¹¹. В марте 1913 г. Анреп был исключен из ВМА «за неподчинение приказу военного министра об отдаче воинской чести студентами, наряду с рядовыми армии». Заканчивать свое медицинское образование ему пришлось в Юрьевском университете.

С началом Первой мировой войны Г. Анреп был мобилизован и работал врачом полевого госпиталя; в 1916 г. был ранен, демобилизован, за воинскую храбрость награжден Георгиевским крестом. Только в 1916/17 г. он сдал экзамены на соискание ученой степени доктора медицины. В 1918 г. Анреп вступил в ряды армии Деникина. После поражения Белой армии эмигрировал в Англию (1920). Работал ассистентом у Э. Старлинга. В Лондонском университете он смог защитить диссертацию на степень доктора медицины. В 1925 г. он получил английское гражданство и с 1926 г. перешел на работу в Кембридж, где стал преподавать физиологию. В 1928 г. Г.В. Анреп был избран членом Лондонского королевского общества и был удостоен диплома доктора искусств (Master of Art Cantabrigian). В 1931 г. Анреп переехал с семьей в Египет, где в Каирском университете возглавил кафедру физиологии и специальную лабораторию. Здесь он воспитал большую группу талантливых египетских физиологов.

Почти все работы Анрепа в области высшей нервной деятельности и условных рефлексов были выполнены им еще на родине, в лаборатории Павлова¹², тогда как работы по физиологии пищеварения и кровообращения, также начатые в России, велись и в Великобритании и в Египте¹³. Анрепу принадлежит несколько значительных открытий в области физиологии высшей нервной деятельности (явление «статической иррадиации», наличие «предела торможения», особенность кожного анализатора, синхронно изменяющего свое состояние во всех своих точках и др.). В Англии его работы по изучению условных рефлексов, физиологии пищеварения и кровообращения были удостоены многих научных наград, в том числе и премии Э. Шарпей-Шефера (президента Британского физиологического общества), В. Майкла и др.

Издание в 1927 г. в Оксфорде «Лекций о работе больших полушарий головного мозга» И.П. Павлова в переводе Е.В. Анрепа¹⁴ сыграло большую роль для пропаганды павловского учения за границей. Появлению этой книги оказали поддержку выдающиеся английские физиологи: Шеррингтон, Эдриан, Эванс, Томпсон. Встречаясь с И.П. Павловым на международных конгрессах, Г.В. Анреп часто был его личным переводчиком. И.П. Павлов поддерживал с ним самые тесные отношения до конца своей жизни.

Б.П. Бабкин (1876-1950)

Профессор Б.П. Бабкин был, пожалуй, одним из самых известных учеников И.П. Павлова как в России, так и в эмиграции. Из дворян, окончил в 1901 г. ВМА, после чего 12 лет (1901-1912) работал у И.П. Павлова в Физиологическом отделе Института экспериментальной медицины (ИЭМ) и на кафедре физиологии ВМА, где в 1904 г. защитил докторскую диссертацию «Опыт систематического изучения сложных нервных (психических) явлений у собаки». В 1908 г. (совместно с Савичем и Рубашкиным) показал различие в работе поджелудочной железы при возбуждении блуждающего нерва и под влиянием гормона секретина.

С 1912 по 1914 г. Бабкин — адъюнкт-профессор кафедры физиологии Ново-Александровского института сельского хозяйства и лесоводства (под Варшавой). В 1914 г. он стажировался в физиологической лаборатории у Э. Старлинга. С 1915 по 1922 г. Б.П. Бабкин заведовал кафедрой физиологии Новороссийского университета (Одесса), где за семь лет он смог создать свою научную школу, основным направлением которой было изучение физиологии пищеварения. Здесь в 1915 г. вышла в свет его первая монография «Внешняя секреция пищеварительных желез». Однако в августе 1922 г. Бабкина арестовали и приговорили к административной высылке из России со следующей формулировкой: «Правый радикал, антисемит, активный противник советской власти. Группирует вокруг себя эту часть профессуры. Лекции читал очень мало. Служит в АРА, где является крупной величиной. Тип вредный»¹⁵. Б.П. Бабкин был выслан из Одессы вместе с другими семнадцатью «инакомыслящими» профессорами на корабле, отплывающем в Турцию.

По приглашению Э. Старлинга он в течение 1922-1924 гг. работал в физиологической лаборатории Лондонского университета. Методики, отработанные в России, стали надолго экспериментальной основой его многих будущих работ. В Лондонском университете Бабкин повторно защитил диссертацию на звание доктора медицины, что давало ему право преподавать в Великобритании. Вскоре он получил место профессора физиологии в университете Далхаузи (Канада, Галифакс, Новая Шотландия), а затем (в 1928 г.) — в университете Мак-Гилла. В 1942 г., выйдя в отставку, он продолжал сотрудничать с Неврологическим институтом Монреальского университета, где ему была предоставлена небольшая лаборатория. Тогда же Бабкин разработал междисциплинарную программу по теоретической медицине для университетов, которая в 1943 г. была отмечена присуждением ему степени доктора юриспруденции. В 1944 г. вышел фундаментальный труд Б.П. Бапкина «Секреторный механизм пищеварительных желез» (на русском языке книга вышла в 1960 г.)¹⁶.

Как и многие другие ученики И.П. Павлова, Б.П. Бабкин в эмиграции активно пропагандировал учение и методы И.П. Павлова в области физиологии пищеварения и условных рефлексов. В 1928 г. вместе с американскими коллегами У. Гентом и У. Кенноном он перевел на английский язык и издал книгу Павлова «20-летний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности животных»¹⁷. В 1949 г. он выпустил на английском языке книгу «И.П. Павлов. Биография», получившую всемирную известность. Еще в 1924 г. в юбилейной статье, посвященной своему учителю, Бабкин пророчески писал: «И если когда-нибудь русский народ поймет, что с революцией он потерял больше, чем выиграл, и что счастье всего народа и каждого человека в отдельности неразрывно связано с непрерывным развитием и усовершенствованием его национальных свойств и дарований, он страстно бросится на собирание своих затоптанных и растерянных духовных сокровищ. В этом случае жизнь и деятельность Ивана Петровича Павлова станет предметом тщательного изучения и глубокого почитания»¹⁸.

За свои фундаментальные работы в области физиологии высшей нервной деятельности и гастроэнтерологии Б.П. Бабкин

был избран в члены Королевского общества Великобритании, Королевского общества Канады, Германской академии естествоиспытателей Леопольдина, президентом Общества гастроэнтерологов «Сигма X», награжден медалью им. Флавена (Королевское об-во Канады), медалью Фриденвальда (Общество гастроэнтерологов США).

В.Г. Коренчевский (1880-1958)

Ученые Великобритании помогли с работой и другому ученику И.П. Павлова по Физиологическому отделу ИЭМа, известному в Петербурге патологу и бактериологу профессору Владимиру Георгиевичу Коренчевскому¹⁹. Выпускник ВМА (1903), он работал в Харбине, Москве, Петрограде, стажировался во Франции в Институте Пастера в Париже (1908). В 1909 г. защитил докторскую диссертацию «Кучению о желудочно-кишечном самоотравлении». В 1912 г. был избран экстраординарным профессором на кафедру общей и нормальной патологии ВМА, где он выполнил ряд блестящих работ в области физиологии пищеварения и эндокринологии.

В годы Первой мировой войны В.Г. Коренчевский работал в Обществе Красного Креста. В апреле 1919 г. был командирован на Биологическую станцию Академии наук в Севастополь, откуда он, по-видимому, и эмигрировал на Запад вместе с остатками Белой армии.

С 1920 по 1945 г. В.Г. Коренчевский работал старшим научным сотрудником Листеровского института превентивной медицины, а также по совместительству в Центре медицинских исследований. Его интересы были связаны с изучением механизма действия витаминов и гормонов. Этой проблеме были посвящены более 100 статей ученого в журналах Великобритании и США. Традиционно исследования механизма действия витаминов развивались в Англии на кафедре биохимии Кембриджского университета, возглавляемой в те годы Ф. Хопкинсом, членом Лондонского королевского общества. В 1929 г. он вместе с К. Эйкманом получил Нобелевскую премию за открытие антиневротического витамина (B_1) и витамина роста (А). Именно с этими учеными и сотрудничал Коренчевский.

В 1945 г. В.Г. Коренчевский основал Оксфордскую геронтологическую лабораторию, которая первоначально размещалась в Отделе зоологии и сравнительной анатомии Оксфордского университета, позже — в Физиологической лаборатории этого же университета. После 1952 г., когда В.Г. Коренчевский вышел в отставку, Оксфордская геронтологическая лаборатория была переведена в Лондонский госпиталь св. Бартоломью. Финансирование лаборатории осуществлял лорд Ньюфелд.

Перу В.Г. Коренчевского принадлежат два больших историко-научных обзора по геронтологии. Один из них — «Gerontology in the United Kingdom» — посвящен развитию геронтологии в Великобритании и опубликован в двух номерах «Journal of Gerontology» в 1951-1952 гг. Другой посвящен созданию Международной ассоциации геронтологов и развитию исследований в этой области и опубликован в «British Medical Journal» в 1952 г. В 1961 г., уже после смерти ученого, в США была опубликована его монография «Physiological and Pathological Ageing», посвященная исследованию физиологии и патологии старения; она снабжена большой библиографией, включающей и труды русских ученых в этой области²⁰. В.Г. Коренчевский основал в Великобритании «Клуб старения», который вскоре был переименован в «Британское общество по изучению старения». Он был также основателем Международной ассоциации геронтологов и за свои заслуги избран пожизненным членом ее правления.

Известный английский геронтолог Е.-В. Коудри, оценивая деятельность В.Г. Коренчевского, писал: «Из всего того, что когда-либо делал Коренчевский, самым важным был тот огромный интерес к исследованиям в области геронтологии, которым он буквально заразил весь мир»²¹.

Н.К. Кульчицкий (1856-1925)

Выдающийся русский гистолог Николай Константинович Кульчицкий окончил медицинский факультет Харьковского университета (1874), там же получил степень доктора медицины (1882) и долгие годы работал на кафедре гистологии и эмбриологии, совмещая должность профессора кафедры с должностью

декана медицинского факультета Харьковского университета (1897-1901) и гласного Харьковской городской думы.

Научная деятельность Н.К. Кульчицкого была отмечена крупными научными трудами. С 1902 по 1912 г. его монография «Основы гистологии животных и человека» выдержала пять изданий и удостоена премии имени выдающегося русского анатома и физиолога академика П.А. Загорского. Кульчицким были открыты особые клетки кишечного эпителия, которые теперь носят его имя и известны как энтерохромафинные клетки. Гистологическое описание слюнной железы крыс и слепышей (1908) помогло установить родовую связь двух семейств грызунов.

В 1910 г. Кульчицкий подал в отставку, уйдя из Харьковского университета. Однако он продолжил свою общественную деятельность. В конце февраля 1912 г. Кульчицкий был выбран действительным статским советником и назначен попечителем Казанского учебного округа, включавшего 4 высших учебных заведения, 124 средние школы, 27 педагогических организаций и тысячи профессиональных школ. В 1912 г. он был представлен императором Николаем II к ордену Св. Станислава 1-й степени. С 1914 по 1916 г. Кульчицкий занимал пост попечителя учебного округа в Санкт-Петербурге. Занимая эту должность, он вошел в близкий служебный контакт с Николаем II, который назначил его сенатором (1916), а с 27 декабря 1916 г. — министром народного образования. На этом посту он проработал только два месяца.

В 1918 г. Кульчицкий был арестован большевиками, но по какой-то причине, которой он сам так никогда и не смог найти объяснения, избежал трагической судьбы, которая постигла многих других министров Российской империи. В России он оставался еще три года с надеждой, что его служба и опыт могут стать полезны отечеству. Ему позволили вернуться в Харьков, где он решил зарабатывать на жизнь производством мыла. Такой неожиданный поворот в своей профессиональной деятельности Николай Константинович объяснял тем, что когда-то в юности, когда он только занялся гистологией, мыло использовалось для пропитки тканей и как гистологу ему пришлось освоить его производство. Теперь этот опыт пригодился и на какое-то время спас его семью от голода. Вскоре тем не менее Кульчицкие оставили Харьков и пешком добрались до Севастополя (по воспоминаниям ученого, этот

переход занял 22 дня). В 1921 г., накануне взятия Севастополя большевиками, они покинули Россию на британском судне.

Из материалов личного архива Н.К. Кульчицкого, хранящихся в университете г. Лидса в Великобритании, известно, что профессор явился в Лондон «буквально без единого пени», но, благодаря помощи английского физиолога Э. Смита, вскоре получил должность «old Professor» в отделе анатомии Лондонского медицинского колледжа²². И здесь личные контакты и индивидуальные связи сыграли главную роль в выживании ученого и его семьи.

Вскоре Н.К. Кульчицкий смог получить исследовательский грант от «Medical Research Council», что позволило ему продолжить начатую еще в 1881 г. в России работу по изучению нервных окончаний в мышцах. При этом ему удалось открыть два новых типа эфферентных окончаний в поперечно-полосатой мускулатуре²³. Работа Кульчицкого получила высокую оценку выдающегося английского физиолога Дж. Хантера, опубликовавшего в январе 1922 г. специальную статью в «British Medical Journal». Между учеными завязалась дружба, длившаяся, к сожалению, недолго ввиду скоростижной смерти английского ученого. Свои воспоминания о Дж. Хантере Н.К. Кульчицкий закончил писать в ночь на 28 января 1925 г. А через день (в день своего 69-летия) Н.К. Кульчицкий стал жертвой аварии в шахте лифта в Лондонском университете: по рассеянности шагнув в пустую шахту, он разбился насмерть. Выступивший на панихиде Э. Смит сказал: «Трагическая смерть нашего доброго друга, последовавшая вслед за его не менее трагической жизнью, оставила в наших сердцах горечь личной потери этого замечательного, мужественного, скромного и любимого человека»²⁴. При жизни Н.К. Кульчицкий был избран членом Тайного совета России, членом-корреспондентом Императорской Российской академии наук, почетным членом Анатомического общества Великобритании и Ирландии, командором Почетного легиона²⁵.

Б.П. Уваров (1888-1970)

На годы жизни в Англии (1920-1970) пришелся расцвет научной и организационной деятельности проф. Бориса Петровича Уварова — выдающегося русского биолога-энтомолога и эколо-

га, выпускника Петербургского университета (1910), активного члена Русского энтомологического общества, директора Энтомологического бюро в Тифлисе (1915-1920), главного энтомолога Закавказья. В 1920 г. Б.П. Уварову было предложено место главного специалиста в Императорском бюро по энтомологии в Лондоне. И если в России определилась главная область интересов Уварова — изучение саранчовых (*Acrido-dea*) — массовых вредителей сельскохозяйственных культур, то в Великобритании он создал свои классические работы по таксономии и питанию саранчовых. В 1945 г. Уваров организовал и возглавил (до 1959 г.) Противосаранчовый центр, имевший статус международного учреждения. Уваров разработал снискавшую мировое признание «теорию фаз», по которой массовые явления саранчовых, связанные со стадийными фазами их существования, обусловлены экологическим полиморфизмом. На основании его идей была сформулирована концепция гелиобиологической зависимости ритмичности и цикличности массовых размножений саранчовых. С 1959 по 1961 г. Уваров возглавлял Королевское энтомологическое общество в Лондоне. Он также был избран почетным членом Энтомологических обществ Франции, Нидерландов, Египта, Индии, России, награжден многими иностранными орденами, в том числе и высшей наградой Великобритании — орденом Подвязки²⁶.

А.С. Безикович (1891-1970)

Выдающийся российский математик Абрам Самойлович Безикович, приват-доцент физико-математического факультета Петроградского университета (1917), ректор Пермского университета (1919), в 1924 г. получил стипендию Рокфеллеровского фонда для научных занятий за рубежом. Во многом это произошло благодаря поддержке авторитетных европейских математиков, и в частности П. Эренфеста, высоко оценившего талант коллеги из России (он говорил о Безиковиче: «Это — машина, нет задач, которые он не решил бы. Прямо бык!»). Именно Эренфест отправил научные труды Безиковича авторитетным математикам в Европе: Х. Бору в Данию, Ван дер Корпугу в Голландию, Дж. Литвуду и Г. Харди в Англию. Отзывы были прекрас-

ными. Однако большевики не разрешили Безиковичу выезд из страны, и в этой ситуации Безикович, как и его коллега Я.Д. Тамаркин, решил нелегально покинуть советскую Россию, перейдя через латвийскую границу. Рокфеллеровская стипендия дала ему возможность поработать год у Х. Бора в Копенгагене, а затем отправиться в Оксфорд к известному математику Г. Харди, высоко оценившему аналитический талант молодого русского ученого.

В 1926/27 учебном году Безикович читал лекции в Ливерпульском университете, а с 1927 по 1950 г. преподавал в Кембридже, в Тринити-колледже. В 1950 г. ему было предоставлено руководство кафедрой математики, где он подготовил немало выдающихся ученых. В 1932 г. в издательстве этого университета была опубликована монография Безиковича по теории почти периодических функций. После выхода на пенсию Безикович в течение нескольких лет читал лекции как приглашенный профессор в университетах США.

Основными областями математики, которые разрабатывал Безикович в Англии, были теория квазипериодических функций (совместно с Х. Бором), плоская топология, теория меры, мера Хаусдорфа и др. В 1930 г. за исследование квазипериодических функций Безикович получил премию Д. Адамса от Кембриджского университета. Заслуги Безиковича были отмечены избранием его в 1934 г. в члены Лондонского королевского общества и награждением в 1950 г. медалью О. де Моргана (Лондонское математическое общество), а в 1952 г. — медалью Дж. Сильвестра. В 1932 г. издательство Кембриджского университета опубликовало монографию Безиковича «Почти периодические функции», переизданную затем в 1955 г. в Нью-Йорке²⁷.

Ю.В. Ломоносов (1876-1952)

В 1926 г. глава Российской железнодорожной миссии Юрий Владимирович Ломоносов, выдающийся инженер и ученый в области паровозостроительной и тепловозостроительной техники, принял трудное для себя решение не возвращаться в СССР, оставшись с семьей в Берлине. После Германии и США (1929-1930) Ломоносов с женой и сыном переехали в Англию, где

Юрий Владимирович рассчитывал получить академическую должность в Кембридже. То, что он быстро вошел в английскую научную среду и стал членом таких организаций, как Институт инженеров-механиков, Британская ассоциация для развития науки, Королевского института международных отношений, значительно расширило его международные контакты, а его репутация как ученого и инженера-конструктора возросла в результате выступлений Ю.В. Ломоносова на научных конференциях и после выхода в 1933 г. в Оксфорде его книги «An Introduction to Railway Mechanics» («Введение в механику железных дорог»).

Накануне Второй мировой войны ученому была предложена должность консультанта в фирме Hinchins, Jervis and Partners в Лондоне. Одним из немногих реализованных в Британии технических проектов Ломоносова стал выпуск сенокосилки, конструкция которой была создана на основе некоторых элементов дизельного локомотива. В 1938 г. Юрий Владимирович и его жена решили принять гражданство Великобритании. Во многом их отказ от советского гражданства был обусловлен событиями, происходившими в СССР: судебными процессами с нелепыми обвинениями, казнями и исчезновением людей, с которыми когда-то Ломоносов работал. После окончания войны он участвовал в экспертизе некоторых проектов и рассмотрении судебных тяжб между Британскими железнодорожными компаниями и частными владельцами дорог. Однако работа не была постоянной. Последние годы Ломоносов провел в США и Канаде (Монреале), где жил вместе с сыном Юрием и где он умер от сердечного приступа. Богатая коллекция архивных материалов ученого и его семьи находится в Великобритании в Русском архиве университета г. Лидса²⁸.

Возвращаясь к обзору жизни русской колонии в Великобритании, нужно отметить, что достаточно быстро деловая и талантливая ее часть «вышла» из эмигрантской жизни: только за первые десять лет (с 1921 по 1931 г.) около 9,5 тысячи русских приняли британское гражданство²⁹. Это — важная особенность жизни русской колонии в Великобритании, поскольку в целом для послеоктябрьской эмиграции был характерен панический страх перед ассимиляцией или «денационализацией», как она

тогда называлась. Комплекс социальной «неполноценности», во многом обусловленный и языковым барьером, был успешно преодолен освоением английского. В докладе комиссии, созданной при Королевском институте международных отношений под руководством Дж. Симпсона, было заявлено в 1936 г.: «Зарубежная Россия уходит на наших глазах: организм ее слишком хрупок, чтобы долго сопротивляться ассимиляции с другими народами. Главы отчета запечатали ее в расцвете, прежде чем исчезли ее своеобразный нрав и ее богатая культурная жизнь»³⁰.

В целом, к середине 1930-х гг. активность «русских для русских» постепенно себя исчерпала. Стало ясно, что писать по-русски исключительно только для своих соотечественников, для тех, кто собирается на съездах «зарубежных русских ученых», не представляется целесообразным и что в интеллектуальной сфере между русскими и европейцами нет никаких непреодолимых препятствий. Публикации в иностранных научных журналах стали действенным (хотя и опосредованным) способом быть услышанными на родине — к этому времени советская Россия уже закрыла все каналы для проникновения эмигрантской литературы, а иностранные научные журналы продолжали свое свободное хождение по ее библиотекам и институтам.

Вклад российской эмиграции в науку и культуру Великобритании бесспорен. Как было отмечено выше, за выдающиеся заслуги целая плеяда российских ученых была избрана в члены Лондонского королевского общества. Труды русских ученых, изданные в Великобритании, являются свидетельством эффективной ассимиляции их авторов в научную жизнь этой страны и их тесного взаимодействия с английскими коллегами.

В свою очередь, русская творческая интеллигенция заново открыла Великобритании и всему миру свою национальную культуру, традиции русской академической науки. Многие иностранцы отмечали высокое достоинство русской интеллигенции и ее стойкость в эмиграции.

Обзор жизни и деятельности российских ученых-эмигрантов в Великобритании как явления, которое возникло на стыке культур и цивилизаций, обогативших друг друга, идеально могут завершить слова Георгия Адамовича: «Слава Богу, что сотни и тысячи людей в эти трагические для России годы использовали

свои силы, дарования и ставшую их уделом свободу для творчества, которое бесследно развеяться в воздухе не могло и которое войдет когда-нибудь в «золотой фонд» русской культуры. Слава Богу, что люди эти не впали в уныние, не соблазнились донкихотством, благородным, но в конце концов бесплодным, и продолжали работать в той области, где им удалось и проявить себя, и послужить развитию русского, а значит, и общечеловеческого духа»³¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Казнина О. А. Русские в Англии. Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века. М.: Наследие, 1997; Бонгард-Левин Г.М. Скифский роман. М.: РОССПЭН, 1997; Литературная энциклопедия Русского Зарубежья (1918-1940)/ Под ред. А.Н. Николюкина. Т. 1: Писатели Русского Зарубежья. М.: РОССПЭН, 1997.

² Шмелев И. Душа Родины: Сб. статей 1924-1950 гг. Париж: Изд-во Русского народного института, 1967. С. 229.

³ Там же. С. 250.

⁴ См.: From the other shore: Russian political emigrants in Britain, 1880-1917. Immigrants and minorities / Ed. by John Slatter. L.: Fran Cass and Co Limited, 1984. P.8; Лебедев В. Мысли о русской эмиграции // Воля России. 1922. №. 25. С. 44.

⁵ Набоков К. Д. Испытания дипломата. Стокгольм: Северные огни, 1921. С. 255-256.

⁶ См.: Очерк деятельности Русской академической группы в Великобритании (с ноября 1920 по 18 мая 1921 г.) // Труды русских ученых за границей/ Под ред. А.И. Каминки. Т. 1-2. Берлин: Слово, 1923. Т. 2. С. 324-345.

⁷ См.: Четвертый съезд Русских академических организаций за границей в Белграде (16-23 сентября 1928 г.). Белград: Издание Оргкомитета съезда, 1929. С. 3-4.

⁸ См.: Отчет о Первом съезде Академических организаций в Праге, 10-17 октября 1921 г.// Труды русских ученых за границей... Т. 2. С. 324-344.

⁹ См.: Коренчевский В. Г. О деловом объединении эмиграции // Труды V съезда Русских академических организаций за границей (София, 14-21 сентября 1930 г.). София: Изд-во Русских академических организаций, 1932. Приложение 1. С. 1-15.

¹⁰ См.: Who was who: An annual biographic dictionary. L., 1951-1960. Vol. 5. P. 29; Квасов Д. Г., Федорова-Грот А. К. Физиологичес-

кая школа И.П. Павлова: Портреты и характеристики сотрудников и учеников. Л., 1967; Крепс Е. М. (ред.) Переписка И.П. Павлова. Л., 1970. С. 112-114; Ульянкина Т. И. Анреп Глеб Васильевич // Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический словарь. М.: РОССПЭН, 1997. С. 578-579.

¹¹ См.: Анреп Г. On the part played by the suprarenals in the normal vascular reactions of the body // J. of physiology. 1912. Vol. 45. P. 307.

¹² См.: Анреп Г.В. Роль надпочечников в сосудистых эффектах, вызываемых раздражением п. Splanchnicum // Тр. Общества русских врачей в СПб. 1913. Т. 80. С. 54; Задерживающие нервы поджелудочной железы // Архив биологических наук. 1917. Вып. 4. С. 276; Иррадиация условного торможения // Русский физиологический журнал. 1917. Вып. 1-2. С. 1.

¹³ См.: Анреп Г. (with R.S. Stacey). Comparative effect of various drugs upon the coronary circulation // J. of physiology. 1927. Vol. 64. P. 187; Анреп Г. (with J.C. Davis and E. Volhard). The effect of pulse pressure upon the coronary blood flow // Ibid. 1931. Vol. 73. P. 405; Анреп Г. Release of histamine by the liver // Ibid. 1953. Vol. 120. P. 419.

¹⁴ См.: Conditioned reflexes, an investigation of the physiological activity of cerebral cortex by I.P. Pavlov / Transl. and edit by G. Anrep. Oxford, 1927.

¹⁵ См.: Синельников В. Бабкин Борис Петрович // Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. С. 55-57; В.Р. Babkin (1877-1950). Obituary // Gastroenterology. 1950. Vol. 16. № 2.

¹⁶ См.: Secretory mechanism of the digestive glands by Boris Babkin. N.Y., 1944.

¹⁷ См.: Lectures on conditioned reflexes: (Twenty five years of objective study of higher nervous activity (behavior) of animals) by Ivan Petrovich Pavlov / Transl. from Russian by W. Horsley Hant. N.Y., 1928.

¹⁸ Бабкин Б. П. И.П. Павлов: К 75-летию со дня рождения и 50-летию научной деятельности // Русская мысль. 1923-1924. Кн. IX-XII. С. 312.

¹⁹ См.: Ульянкина Т. И. Коренчевский Владимир Георгиевич // Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. С. 307-309; Квасов Д. П., Федорова-Грот А. К. Физиологическая школа И.П. Павлова: Портреты и характеристики сотрудников и учеников. Л., 1967.

²⁰ См.: Коренчевский В. G. Physiological and pathological ageing. N.Y., 1961.

²¹ Ibid. P. 1.

²² См.: Архив Н.К. Кульчицкого в университете г. Лидса (Великобритания) // Leeds Russian archive draft catalogue update. Nikolay Konstantinovich Kulchitsky (1856-1925) / MS 1365; Ульянкина Т. И. Кульчицкий Н.К. // Российские ученые и инженеры-эмигранты (1920-

1950-е гг). 2000. Электронное издание: <http://www.ihst.ru/projects/emigrants/>.

²³ Kulchitsky N. Nerve endings in muscles // *J. of Anatomy*. 1924. Vol. LVIII, pt. 2. P. 152-169; Vol. LIX, pt 1. P. 1-17.

²⁴ Ibid.

²⁵ G.E.S. Emeritus Professor Nicholas Kulchitsky, M.D.// *The British medical journal*. 1925. February, 14. P. 340.

²⁶ Ibid.

²⁷ См.: Burkill J.C. Abram Samoilovitch Besicovitch. 1891-1970// *Biographical memoirs of fellow of the Royal society*. 1971. Vol. 17. P. 1-16; Taylor S.J. Abram Samoilovitch Besicovitch// *Bull. London Math. Soc*. 1975. Vol. 7, № 20. Pt. 2. P. 191-210; Эренфест - Иоффе: Научная переписка, 1907-1933. 2-е изд., доп. Л., 1990; Костицын В. И. Ректоры Пермского университета, 1916-1991. Пермь, 1991; Ермолаева Н. Безикович Абрам Самойлович// *Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции*. С. 71-73.

²⁸ См.: Чеснова Л. В. Уваров Борис Петрович// *Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции*. С.640-641; Boris Petrovich Uvarov// *Biographical memoirs of fellows of the Royal society*. L., 1971. Vol. 17.

²⁹ См.: Alpin Hugh A. Iurii Vladimirovich Lomonosov (1876-1952): *Catalogue of the Lomonosoff collections*. Leeds : Leeds Univ. press, 1988. P. VII-XX; Ульянкина Т. И. Ю.В.Ломоносов: уроки эмиграции// *Годичная конференция ИИЕТ им. С.И. Вавилова РАН, 2000: Сб. трудов*. М.: ИИЕТ, 2000. С. 165-171.

³⁰ *Census of England and Wales: General tables*. 1931. L.: H.M. State office, 1935. P. 222; Simpson J. H. *The refugee problem: Report of a survey* Royal institute of international affairs. L.; N.Y., 1939.

³¹ Адамович Г. *Вклад российской эмиграции в мировую культуру*. Париж: Изд-во В. Вырубова, 1961. С. 9.